

Павел Московский. #Архив

Партработник и журналист Павел Московский — о бандитизме 1920-х, наводнении, блокаде, Копполе, лениниане, перуанском графе, сланцевых рудниках и о том, зачем жениться в 97 лет.

Я родился 25 марта 1915 года в Петрограде. Мать у меня — Людмила Васильевна Голубева. А отец — Московский Владимир Федорович, он родился в городе Ямбурге, сейчас это Кингисепп. Предки мои по матери были большими священнослужителями в Ярославской губернии. А дед по отцу, Федор Филиппович, был булочником. Владел пекарней и выпекал великолепные хлеба, булочки на весь город Ямбург. Дедушку я хорошо помню, он умер в 1924 году.

Мама не работала, она была домохозяйкой. Отец окончил инженерное училище, а потом был военным. Во время Первой империалистической войны служил там унтер-офицером на Брусиловском фронте. А до войны он был служащим казначейства. Жил рядом с Ямбургом, в Ивангороде, то есть в Нарве. И там, в 1914 году, родился мой старший брат Борис. Когда началась война, отец с матерью уже жили в Петрограде. Папа оставил маму в положении: тем самым они ознаменовали начало войны и его уход на фронт. И в 1915 году я появился на свет.

Первое мое воспоминание относится к 1919 году. Четыре года мне было. Мы жили в Петрограде, а на лето нас с братом увозили в Кингисепп. Там был дом, где жили дядя и бабушка, — было где остановиться.

В 1919 году, когда шла Гражданская война, отряды белых уходили. Красные гнали их на запад через наш город. Там река большая, Луга называется, и большой железнодорожный мост через Лугу в сторону Эстонии. И когда белые отходили, они этот мост взорвали. Это случилось, как раз когда мы с братом во дворе играли. И услышали страшный грохот, взрыв. Вот это первое воспоминание в моей жизни. Так что с четырех лет себя помню.

Отец с фронта пришел в 1918 году, сразу перешел из царской армии в Красную и работал в штабе в Петроградском военном округе. В интендантских частях. Он занимался подготовкой, обмундированием солдат-красноармейцев, уходивших на фронты Гражданской войны. Я помню эпизод, когда он приводил меня и брата на работу — в гостиницу «Октябрьская», там у них находился штаб. Мы совсем еще маленькими были. И мне помнится даже — молодые красноармейцы в обмотках. Их там обмундировали, и они уходили на фронт.

Ленинградскую квартиру первую помню. Все-таки отец был интендантом и знал, где какие квартиры опустели. Пустовавших квартир было много, мы

заняли одну из них на 6-й роте. А запомнилась она мне тем, что нас обокрали там. Воровство было тогда в моде. Куда-то отец с мамой уходили, брали нас с собой. По-моему, к маминой сестре. А когда вернулись к ночи, обнаружили, что квартира вся ограблена. И во дворе еще, помню, была стрельба. Перестрелки тогда часто были, какая-то бандитская группа шалила. Ну, беспокойное и неудобное было место. И мы оттуда переехали к сестре мамы. А жила она на Обводном канале.

В 1924 году я начал ходить в школу. Мне было уже девять лет, а я только пошел в школу, потому что трудно было туда попасть. Занимался дома, и меня сразу во второй класс взяли, а Борю, моего брата старшего, в третий. В ноябре 1924 года мы, как всегда, выскочили из дома на берег своего Обводного канала и страшно поразились, что весь берег залит водой. К воде Обводного канала довольно крутой был спуск, а тут вдруг вода вышла и поднялась на этот спуск. Было большое, великое наводнение. Пушкин описывал наводнение, которое произошло в ноябре 1824 года, а тут вдруг случилось похожее, ну чуть поменьше, ровно через сто лет. В 1824 году подъем воды в Неве был 5 метров. А то, что я видел, — там было, наверное, четыре с чем-то метра. И вот мы с ребятами махнули. Нам интересно было, конечно, по-мальчишески. Побежали на Фонтанку посмотреть, а это довольно далеко. Когда к Фонтанке прибежали, везде вода шла. И мы перепугались, обратно бежали уже по колено в воде. Все перепуганные, мокрые прибежали домой. Нам, конечно, всыпали родители за то, что мы такой побег сделали. Ну, простудились и пять суток сидели на своем шестом этаже, из окна наблюдали, что происходит в городе. С 6-го этажа далеко было видно. А это рабочие районы — Нарвский, Московский, много было предприятий, и они горели. Пожары были из-за сильного ветра. Загорались здания. Воды много кругом, а тушить некому было. И запомнилось, как на мосту через Обводный канал остановился трамвай. Дальше он идти не мог и несколько дней стоял там в воде...

Помню, когда умер Ленин: в день похорон, 27 января 1924 года, на площади в начале Загородного проспекта, около памятника Плеханову, собралось очень много людей. И я туда пришел. Мороз страшнейший был. Стоим. В момент, когда Ленина в Москве вносили во временный мавзолей, по всему Питеру раздались гудки. Все заводы гудели пять минут. Люди, которые стояли, сняли шапки, а мороз-то страшный, но я тоже шапку стянул с себя. И вот стоит один дядя рядом, какой-то пожилой человек, так он взял мою шапку, натянул мне на голову и говорит: «Побереги себя, сынок». Это мне почему-то запомнилось на всю жизнь.

А вот в 1925 году отец уже нашел постоянную квартиру, и мы туда переехали. Большая квартира, из нее сделали коммуналку, и мы заняли две комнаты. Всего там жило четыре семьи. Тесно было, но жили дружно. Никаких конфликтов не было, разве только с одной семьей — у них глава семьи был инженером, из старых дореволюционных спецов, и настроен был

очень антисоветски. Там было двое детей, помоложе нас, и воспитывал он их очень жестко. Старший их сын, Костя, ушел на фронт во время войны. Попал в окружение и потом оказался предателем. Выдал подпольную комсомольскую организацию одну. И был повешен. А младший, Димка, он до фронта молодой еще был, и, когда голодали, он стал воровать. Он знал, что у родителей под кроватью в чемодане есть довоенный шоколад, и украл у них этот шоколад, а они его выгнали из дома — в страшную, холодную зиму. Он ходил, побирался по подъезду, а потом, когда он постучал последний раз в дверь своей квартиры, отец его не пустил. А утром его нашли мертвым около этой двери. Жестокий отец такой был.

Дай бог памяти, это был 1926 год. Тогда мы радио еще не знали. И помню, как я шел по Невскому проспекту, у канала Грибоедова, там, где «Дом книги», напротив Казанского собора. Я туда заходил за книжками, смотреть и покупать иногда, очень я это дело любил, хотя лет мне еще мало было. Вышел из магазина, пошел направо, а за этим домом бульвар Софьи Перовской. И перед бульваром, смотрю, стоит толпа людей. Стоит какая-то тумба, вокруг тумбы собрался народ. И слышно: кто-то говорит. Мне тоже интересно стало, и я остановился. И все с удивлением смотрели, что же это такое: стоит тумба, из нее раздается голос. Некоторые даже заглядывали туда, внутрь этой тумбы. Потом кто-то из сведущих людей сказал, что это радио: «Это на расстоянии разговаривают, а нам слышно».

С февраля 1931 года я стал учиться в фабзавучах (школы фабрично-заводского ученичества при заводах; существовали с 1920 года, прообраз ПТУ. — БГ). А тогда ведь как: мы учимся, а нам еще и зарплату платят. Я получил первую свою зарплату, 16 рублей, и на все 16 рублей купил приемник. И дома у себя учился ловить радио. Не зная, что потом, во взрослой жизни, придется заниматься проблемами радио и даже еще какого-то телевидения.

Когда мне было 13 лет, я впервые написал заметку в газету. Тогда проходили выборы в местные советы, еще до Конституции, по старым правилам. А мы, пионеры и школьники, участвовали в выборах: расклеивали листовки, плакаты, ходили по квартирам, агитировали людей ходить голосовать. Я написал небольшую заметку об этой нашей активности, назвал ее «С малых лет мы за совет» и послал ее в редакцию газеты «Ленинские искры». Это пионерская газета, которая начала выходить в Ленинграде в 1924 году. И они ее напечатали на первой странице, подписав «деткор (детский корреспондент) Московский». Меня это страшно увлекло! Меня пригласили в редакцию, мы там поговорили, и я стал активно работать и писать заметки в газету. Это было как бы начало моей журналистской работы.

История была такая: началась индустриализация, а после Гражданской войны заводы были в очень плохом состоянии. В том числе и Путиловский завод, на котором собирались выпускать трактора. Курировал это дело Сергей

Миронович Киров, руководитель ленинградских большевиков. И вот, в числе прочего, было решено привлечь общественность — создать большую группу пионерских активистов и направить ее чистить завод так, чтобы все блестело. Я был включен в ее состав от газеты «Ленинские искры», а во главе нашей группы стоял известный тогда комсомольский поэт Александр Безыменский.

И вот мы, несколько десятков пионерских активистов, ходили по цехам, смотрели, какие там не порядки. Какие там приходят лодыри, пьяницы — ну, там все плохо было. И грязь, и запущенность. Мы разведывали все и приносили Безыменскому факты. Вот такой вот — рвач, такой-то — пьяница. А он писал стишки на нашу информацию, частушки. Мы все это носили в типографию. Потом по всему заводу бегали и расклеивали. А с нас чего возьмешь — мы разведчики. Там магазинчик был, где папиросы продавали, молоко, еще что-то, мы и на папиросы наклеивали. Люди видят, читают, а всех поименно называли, им стыдно становится. Стало меньше прогульщиков, меньше бракоделов, меньше пьяниц.

И в 1929 году, когда цех уже подготовил первые трактора, состоялся торжественный акт — выпуск первого трактора. Перед воротами цеха, на площади, — народ, все приодетые, оркестр был. Приехал Киров. Трактор выехал на площадь. Торжественно все было.

Я поначалу учился на слесаря-инструментальщика, а в 8-м классе, это был конец 1930 года, появился призыв к молодежи идти в фабзавучи. Потому что промышленности нужны были рабочие специалисты. Я тогда уже был в комсомоле и агитировал своих одноклассников — давайте, мол, ребята. Ну, меня и спросили: а сами-то вы пойдете? Я, по правде говоря, о себе еще как-то не думал. Вопрос повис в воздухе. Стало понятно, что от нашего выбора зависит успех всего дела. Мы ответили: «Да, мы пойдём». И я сам тоже пошел. В результате учился в ФЗУ имени Ленсовета при Горводе (Городском водопроводе) где-то около Таврического дворца. И там занимался уже комсомольской работой, был активистом, и в какой-то момент мне поручили вопросы пропаганды и агитации в комитете комсомола. Взясся я, конечно, а чего я знаю-то? Подготовки политической никакой. Поэтому в 1932 году пошел на вечернее комсомольское отделение в Коммунистический университет.

Кирову я многим обязан. Потому что комсомольское это отделение комвуза быстро распалось, а на партийное я перейти не мог — я ж не был членом партии. И ректор наш рассказал обо мне Кирову — так и так, есть такой Паша Московский, хочет учиться на партийном отделении. И тот разрешил, дал мне хорошую характеристику. И потом еще спрашивал ректора — как там мой подопечный-то.

Помню, в 1933 году перед нами выступал Бухарин — и ЦК ВКП(б) его сильно критиковал за политические ошибки. Поэтому лекция, по идее, была

посвящена его самокритике — он пояснял, почему его же идея о введении буржуазных элементов в экономику и лозунг «Обогащайтесь» ошибочна. Выглядело это так: сперва он излагал эту свою теорию. Мы слушаем — черт побери, убедительно звучит. Хотя и знаем, как партия относится к капитализму, а все равно убедительно. А во второй части лекции он эту теорию развенчивал. И тоже — убедительно невероятно. После лекции мы долго обсуждали, как же мы так легко поддались этому ораторскому гипнозу. И пришли к выводу, что нельзя принимать на веру чужие убеждения, до всего надо доходить своим умом. Тем более, что у нас был верный компас — произведения Маркса–Ленина.

После учебы я по зову Кирова поехал на комсомольскую стройку. Не хватало топлива в Ленинграде для предприятий, а Киров организовал создание сланцевых рудников в области — а значит, и городов.

Съехались-то мы весной и летом, тогда нас устраивали летние палатки и бараки. А к осени многие поехали назад — потому что руководство комбината про быт комсомольцев совсем не думало, они стройкой были озабочены. Тогда мы решили своими силами выстроить два теплых дома, бревенчатых, на 500 человек. Начальник комбината никаких фондов на это не выделил. А как жить в пустых домах? Тогда мы составили список необходимых вещей: кровати, одеяла, постельное белье, столы и еще много чего — всего на 500 человек. Я и наш снабженец-хозяйственник Яшка Рыжик поехали к Кирову с этим списком. Мы боялись, что он сочтет это нескромным и вычеркнет что-то из списка. А вышло по-другому. Он взял наш список и говорит: «Что же у вас ребята некурящие, что ли? А где же пепельницы? Не на пол же окурки бросать! Где посуда, чайники, чтобы пить чай?»

Он дополнил наш список, дописал, чего не хватало. А потом дал указание ленинградским предприятиям через свой аппарат, чтобы нам все это бесплатно выделили и отправили.

Как мы потом страдали, переживали, когда убили Сергея Мироновича!

А после стройки я вернулся в Ленинград, и меня избрали секретарем Дзержинского райкома комсомола. Помню, в конце 1938 года встречались с Надеждой Константиновной Крупской, ровно за два месяца до ее кончины. Ей только-только 70 исполнилось. Очень была скромная женщина, в обыкновенном сером платке. Вид усталый, болезненный.

Когда началась война, я был в Чите секретарем обкома комсомола. Желание пойти добровольцем было, конечно, как и у всей молодежи тогда. Но я был на ответственной работе, и с таких постов уже на фронт не отпускали. В тылу ведь тоже нужны были люди. А уже началась блокада Ленинграда. Отец

остался жить на Кировской улице, эвакуироваться он отказался из патриотических соображений. Из гордости, проще говоря. «Не согнут! Не поддамся!» — вот такой настрой был у него. И все 900 дней блокады он прожил в Ленинграде. Мама тоже с ним жила первую страшную зиму. Там вместе голодали. А в мае 1942 года он маму отправил с семьей моего брата Бориса через Ладожское озеро. На Большую землю. И они приехали ко мне в Читу.

Я с отцом встретился во время блокады — прилетал в командировку. Было это в 1943 году. Я летел военным самолетом из Москвы с посадкой в Тихвине. Ночью. А это уже линия фронта, опасно. Из Тихвина перелетели через Ладожское озеро. Я пришел к отцу, когда еще темно было. Под утро я шел пешком по Литейному до дома. Квартира у нас была на первом этаже, окна на улицу, я постучал по подоконнику, чтобы он меня услышал. Подождал, потом увидел его в окне. У меня отец был очень крупный мужчина, полный такой, солидный. Но то, что я увидел, — это, знаете, на всю жизнь страшно станет. Ну просто действительно — только глаза и скулы, обтянутые кожей. Чем он питался-то, господи боже мой... Два кресла у нас были кожаных, он их на кусочки изрезал и кожу эту варил на буржуйке. Чтобы хоть что-то положить в желудок.

Я привез ему продуктов, а еще до этого из Читы посылал продовольственные посылки. Я ему отправил семь посылок. А как посылать в то время посылки? Мне их по знакомству отправили фельдсвязью. Была такая форма связи — секретная, военная. В посылках были крупы, сахар, масло, сухари, какие-то там витамины, яичный порошок. Каши. Все, что просто элементарно необходимо было. Из этих семи посылок дошли до него всего три. Этим я его спас. Остальные пропали. Но и этих трех отцу оказалось достаточно, чтобы выжить. А я был доволен, что пропали. Знаете почему? Потому что другие были спасены.

Отец прожил до 1958 года, там же, в Ленинграде, и умер. Ему было всего 67 лет. И мама умерла в 67 лет, она была на пять лет моложе его.

Еще мальчишкой я знал поэта Юрия Воронова — он был племянником того самого нашего соседа, который был жестким отцом. Во время блокады Юрке было 10 лет. Отец погиб на фронте, а мать умерла от голода. И на его руках, десятилетнего мальчика, остались брат и сестра. А он старший и ходил в магазин за хлебом: 125 грамм хлеба приносил домой, кушали они там. И вот один раз он возвращался из булочной, поднимает голову, а снаряд попал в их дом — и брат, и сестра погибли. И он остался один.

Я поучился еще в краткосрочной Высшей школе парторганизаторов в Свердловске и вернулся в Москву, стал заместителем заведующего оргинструкторским отделом ЦК комсомола. Жил в общагах, потом уже после войны мне выделили комнату на «Беговой».

Холостым в моем молодом возрасте тогда было нелепо находиться. И, конечно, думалось о создании семьи. И поэтому я позвал к себе Ирину Степановну Корнееву, с которой мы работали в Чите, остановился на таком вот выборе. Ее приняли в ЦК комсомола, и так она там до пенсии и проработала — что необычно, это же молодежная организация. В 1951-м нам дали квартиру на Кутузовском. Но жили мы в основном работой. Очень были заняты. И она в долгих командировках, и я. Так что семья у нас получилась таким деловым содружеством, наряду с чувствами, которые были в первые годы. Детей у нас не было, а работа была.

После 1948-го я перешел работать в систему кинематографии. Пять лет был заместителем председателя «Совэкспортфильма», который занимался прокатом советских фильмов за границей и приобретением зарубежных фильмов для проката в Советском Союзе. Я защитил диссертацию «Проблемы социалистического реализма в киноискусстве Чехословакии» и потом еще долгое время работал в аппарате ЦУ — сперва инструктором сектора радиовещания и телевидения, потом заведующим сектором кино.

В поездках много всего любопытного было. В 1964 году мы, например, с Надей Румянцевой устраивали в Чили фестиваль советских фильмов и дважды встречались там с Сальвадором Альенде, — видимо, им было важно, что я сотрудник ЦК, и они пытались как-то донести до СССР, что Чили надо помогать. Альенде только-только проиграл на президентских выборах, но сломленным не выглядел. Мужественный такой, крупный, красивый мужчина с интеллигентным и добрым лицом. Я его потом часто вспоминал. Он потом все-таки победил, но армия под руководством Пиночета его предала.

А в 1975 году мы ездили в США и Мексику. Холодная война холодной войной, а нас она как-то не касалась. В поездках я не припомню ни одной конфликтной ситуации, и по многим другим людям знаю, что не было. В Сан-Франциско, скажем, встречались с Копполой, он только закончил вторую серию «Крестного отца» и нам ее показывал. Много там, конечно, было удивительного — небоскребы особенно.

В 1971-м в Перу у нас была удивительная встреча с графом Аничковым. В Петербурге, все знают, есть Аничков дворец, Аничков мост. И вот один из Аничковых доживал свой век в Перу. Во время Гражданской войны он воевал против советской власти, а уже во время Второй мировой стал поддерживать СССР и ужасно хотел приехать, повидать свой родной город. Даже сделал визу, но в Перу сменилась власть, и его не выпустили. И он невероятно переживал. А с нами он встречался уже глубоким стариком — но говорил с какой-то поразительной добротой.

А вообще-то, по призванию я всю жизнь был журналистом — журналистом и остался. Много выступал, писал и статьи, и книги. Потом я увлекся

ленинской тематикой, курировал документальные фильмы о нем. А главное — сделал работу про Ленина в эмиграции. Одной книги, правда, не получилось, получилось четыре: Ленин в Швеции, Ленин в Финляндии, третья — про Францию, Бельгию и Данию, четвертая — про Италию, Чехословакию и Польшу.

На пенсию я вышел давно, в 1986 году. Поскольку детей у нас с Ириной Степановной не было, а возраст уже был серьезный, мы продали квартиру и в 2000 году переехали в Дом ветеранов кино.

В 1998 году я последний раз был в Ленинграде. После этого я потерял зрение и больше не мог ездить, о чем очень сожалею, потому что люблю этот город. Страдаю, тоскую о нем. Насчет Парижа — это еще посоревноваться надо, кто лучше. Я объездил много городов и считаю, что он на первом месте. Ну, может быть, Париж на первом месте, а Ленинград на втором, но для меня, конечно, он дороже всего.

Моя супруга скончалась два года назад. Взрослых людей — людей даже не старше меня, а людей моего поколения — из родственников сейчас никого нет в живых. Никого. У меня оставалась долго еще двоюродная сестра в Ленинграде. На десять лет она меня моложе, и вот она в декабре умерла, последняя. И никого больше — ни близких, ни родных. И на могилы к ним не сходить. И даже друзей. Ну, друзья могут найтись, но такие, с которыми связи нет. Больные старые люди.

Страшней всего в нашем возрасте одиночество. Сейчас я позвал к себе своего друга. С Верой Борисовной мы знакомы ровно 50 лет и 25 лет не виделись. У нее такое же положение: никого близких, родных не осталось. Так что наше поколение, в общем-то, ушло. Конечно, есть еще мои ровесники, есть еще и постарше. И столетние есть, но их уже мало. Но из близких моих никого нет.

У Веры Борисовны есть дети. Моей дочке от первого, неудачного, брака уже 72 года. Трое внуков, шестеро правнуков.

16 мая мы с Верой Борисовной ездили в загс. Зарегистрированы сейчас. Так что новый этап в жизни начался. Когда думаешь вот так о себе — думаешь, что прожил несколько жизней. И сейчас началась еще одна. Может быть, еще только одна осталась, но нормальная, естественная и не в одиночестве.

Текст Анна Амелина, 08 августа 2012 года.